

же, как и в других советских странах. И разговоры насчет того, что у вас только крестьянская литература должна быть в смысле героев, они скрывают некоторый шовинизм насчет того, что, мол, плохо дело пошло; даже работники Украины как бы затормозили это дело и считают, что литература для рабочих должна быть русская, а для крестьян — украинская. Это — сознательная или бессознательная махинация у людей, которые не хотят понять того, что рабочий класс все время будет пополняться выходцами из окружающих деревень. Вот вам вопрос о перспективах.

Значит, о судьбах национальных культур в эпоху перехода к социализму в эпоху диктатуры пролетариата и о характере украинской литературы я сказал. <...>

Е. МИКУЛИНА

Личные впечатления о Сталине

<Москва 8–11 мая 1929 года>

Как пришла мне в голову дерзкая мысль послать свой сборник очерков о социалистическом соревновании тов. Сталину — я сама не знаю. Я не могу точно уловить момента ее возникновения и того исходного пункта, от которого она могла зародиться.

Я знаю только то, что, когда я написала большую половину книги, утром, лежа в постели, я перебирала в уме написанное, и у меня вдруг явилась необыкновенная уверенность в важности и правдивости очерка. И показалось очень простым отдать их прочесть Сталину. Именно ему, потому что никому из вождей недорога так индустриализация, как ему. От этой мысли я закончила книгу в четыре дня. На меня напала какая-то лихорадка творчества. Я больше волновалась, чем писала.

Но вот книга была написана. Я понесла ее в ГИЗ к своему издателю Файбышеву. Перелистывая брошюру, он поморщился: «Как бы мне не попало за эту книгу. Сектор ведь у меня крестьянский, а в книге больше говорится о рабочих». Мне стало страшно за судьбу книги. Неужели никто не узнает, как проходит на фабриках соревнование? Я сказала ему: «Знаете что? Я снесу ее в ЦО Работниц на отзыв». В тот момент, когда я говорила с ЦО Работниц, у меня снова возникла мысль отнести книжку Сталину. Но как, как это

сделать? На другой день, сразу решившись и не давая себе времени на размышления, я позвонила в ЦК — кабинет секретаря тов. Сталина. Чей-то голос ответил:

— Я слушаю.

— Я хочу передать тов. Сталину материал о том, как проходит соревнование на предприятиях, — говорю я, чувствуя, что от волнения у меня замирает сердце.

Голос отвечает:

— Ну что же, пожалуйста, пришлите.

— Но я хочу видеть лично, — возражаю я, собрав последний остаток своих сил.

— Приходите и принесите.

Трубка вешается...

Я никогда не забуду этого дня, потому что он был днем чудес. В тот же день совершенно неожиданно меня позвали к телефону. Я, конечно, не ждала ответа из ЦК, а, лежа на кровати, смотрела, как по потолку ползет первая муха. В телефоне голос, как будто знакомый.

— Мне нужна Микулина.

— Это и есть Микулина, я сама.

— Ну, так слушайте, товарищ. С Вами будет говорить сейчас Сталин.

— Кто? — переспросила я. — Сталин?

— Да, с Вами будет говорить Сталин, не отходите от телефона.

Ту секунду, что я стояла у молчавшей трубки, я вспоминаю, как бешено вертящийся хаос. Уши у меня горели холодным огнем, а по животу ползли мурашки. Наконец трубка ожила, и незабываемый, и теперь самый любимый из всех голосов на свете, — голос спросил:

— Вы хотели со мной говорить?

От того чудесного, что на меня накатило, я могла только ответить:

— Да.

Трубка снова заговорила:

— Я согласен дать Вам предисловие к Вашей книжке.

— Правда? — закричала я, забыв о страхе. — Вы ее прочли? Всю? Она Вам понравилась?

— Да, я ее прочел, — отвечает Сталин. — Это прекрасная, правдивая книга. Надо дать ее в «Правду» вместо фельетона.

— Но мой ГИЗ? Мой договор с ним? Хотя, если Вы хотите, я его разорву, — кричу я.

— Нет, — сказал Сталин, — я не хочу, чтобы Вы материально пострадали. Мы сделаем лучше так: мы дадим отрывки из книги. Это будет Вам хорошо для тиража.

Я готова была влезть в трубку, чтобы увидеть Сталина ближе. И охваченная этим желанием, забыв обо всем, я заорала в трубку:

— Я хочу Вас увидеть, хоть одним краешком глаза, хоть на минутку.

В ответ послышался хохот.

— Зачем же одним глазком, можно — двумя. Вы можете прийти в пятницу в два часа?

— Могу ли я, вот вопрос. Конечно, могу, — закричала я. И добавила: — Ой, я умираю, я не могу. Неужели это Вы действительно со мной говорите? Нет, я должна умереть.

Трубка опять захохотала.

— Нет, не умирайте, товарищ. Надо писать побольше правдивых рассказов. А простите, разрешите задать Вам один нескромный вопрос: Вы партийная?

— Нет, беспартийная.

— Еще один нескромный вопрос: сколько Вам лет?

— Много, — вырвалось у меня. Но тотчас же я спохватилась: — Не знаю — много или нет — 24 года.

— Вы, — говорит, — дочь Алексеевой? — продолжается сладкий допрос.

— Да.

— Это правда?

— Конечно.

— А где Алексеева сейчас?

— Работает в Нарпите директором...

— Ну ладно, товарищ, так Вы договоритесь с ГИЗом — не возражает ли он об опубликовании в «Правде» части книги. И приходите в пятницу.

— Если не умру от счастья, — крикнула я.

— Нет, не умирайте. До свидания...

На мой отчаянный визг, когда я положила трубку, по коридору открылись все двери. Я с размаху, открыв дверь в свой номер, — стукнула дверью по голове мать и докторшу... .. [пропуск, возможно, вымарано имя. — *Ред.*], которые стояли за дверью.

— Ты с ума сошла, — крикнула мать и, держась одной рукой за сердце, другой больно стукнула меня по голове.

Но, бросившись на диван, продолжала кричать: — и-и-и-а-а-а-а...

— Да что ты, блаженная, что с тобой, — бросилась мать...

И докторша от испуга открыла, как бублик, рот, а я все качалась на диване и выла...

Сестренка для компании тоже завывала. Мать закричала и схватилась за голову.

Наконец я выдавила:

— Со мной по телефону говорил Сталин...

Комната по той тишине, которая восстановилась, напомнила пустую церковь...

Потом, через несколько секунд, мать переспросила: Сталин?

— Да, Сталин.

— Почему? — Мать сидела истуканом в кресле все время, пока я ей рассказала все как было.

Наконец встала и торжественно поцеловала меня в обе щеки.

— Я тебя поздравляю.

Докторша...; [пропуск, возможно, вымарано имя. — *Ред.*] всегда меня недолюбливавшая, скривила лицо в улыбку и выдавила: «Вы можете занять мою комнату, пока я буду в командировке на Северном Кавказе — 6 месяцев».

Но разве могла испортить мое настроение зависть маленькой гадинки, которой была всегда для меня докторша.

Я подошла к зеркалу. На меня глянуло лицо, которое я не узнала, это было мое лицо, но такое чужое. На скулах, на лбу, на щеках горели яркие пятна с неровными краями, а глаза? Глаза были дико вытаращены и смотрели совершенно непонимающим взглядом.

Схватив пальто, я помчалась на улицу... Боже, что со мной делалось. Такая радость наполнила меня, переливалась через края. Я шла вприпрыжку... Какой-то прохожий удивленно свистнул мне в след.

А я шла, шла, и мне хотелось обнять всех, и внутри меня все кричало, пело — на разные голоса... Со мной говорил Сталин. Я увижу Сталина... Я слышала его голос, и он смеялся в телефонную трубку...

Если б я увидела его в тот вечер, я бросилась бы к нему на шею...

Всего этого было слишком много для меня, мое сердце разрывалось на части... Ни эту ночь — со среды на четверг, — ни последующую я не могла спать, я не могла есть. Я не могла пить, я могла только бесконечное количество раз представлять встречу с ним и вспоминать разговор.

В пятницу с утра меня охватил страх, что я не увижу Сталина, он, наверное, забыл, что я приду? Он будет занят, и я его не увижу... думала, поднимаясь по лестнице ЦК ровно 40 минут второго.

В приемной секретарей та же самая женщина удивленно посмотрела на меня, когда я молча села в кресло.

— Вам что надо, товарищ?

Стараясь говорить как можно незаметнее, я ей сказала:

— Меня к двум часам вызвал Сталин.

Я видела, как недоверчиво скривились у нее губы, и тот момент, что бралась она за телефонную трубку к секретарю Сталина, — был для меня похож на минуту перед казнью. Вдруг оттуда ответят: принять не могут.

Мне хотелось броситься на нее, вырвать трубку, чтобы оттянуть решающий момент, но она уже говорила:

— Ко мне пришла товарищ Микулина из...

То, что ее длинное лицо стало еще длиннее и она не договорила фразы, положила трубку, сказало мне, еще до ее слов: «Можете, товарищ, идти», что меня примут.

— Вы найдете дорогу, товарищ? Комната 521, по коридору налево, — голос у нее сладкий-сладкий...

Я шла по толстой полотняной дорожке, стараясь ступать на носки, но туфли отчаянно скрипели. Дверь поддалась упруго и мягко. В большой комнате за конторкой, обставленной телефонами, сидел человек.

— Вы Микулина?

Я утвердительно кивнула головой. Из двери, которая направо, вышел очень худой и длинный человек с лохматой головой. Это был Товстуха, секретарь Сталина. Он посмотрел на меня и сказал, показывая рукой на дверь налево:

— Идите к Сталину.

— Одна? — Более глупого сказать, конечно, было нельзя, но у меня был такой испуганный, жалкий вид, что Товстуха добавил:

— Да не бойтесь Вы так.

Еще один шаг через порог, и я в кабинете. Я не увидела ничего: ни обстановки, ни комнаты, ничего, кроме фигуры в темном костюме, идущей спиной ко мне по дорожке к столу. Еще секунда, и фигура, сделав три шага, обернулась и пошла ко мне навстречу. Я увидела не то резкое, строгое лицо, которое стоит у каждого из нас на столе и которое смотрит со всех витрин в городе. Нет, я увидела бесконечно добрые глаза и незабываемую улыбку. И все лицо было мягче, округлей и окружено пеплом волос. И густые волосы, зачесанные кверху, и усы, все было пепельное от седины. И первая мысль, мелькнувшая у меня, была: Сталин поседел. И от этого он стал удивительно близким.

Улыбающееся лицо наклонилось ко мне:

— Это Вы — Микулина? Вы написали книгу? Ну, здравствуйте.

Крепкое, сильное пожатие горячей сухой руки, я вся, красная от смущения, сижу в кресле у стола.

А через стол на меня смотрит все время в улыбку сталинское лицо и такие умные глаза, видящие насквозь все самое сокровенное.

— Вы хотели мне что-то сказать?

— Я ничего не скажу, потому что я страшно боюсь и совсем обалдела, — пролепетала я.

— Ха-ха-ха, — засмеялся Сталин. И в смехе показались зубы. И все лицо, усеянное крупными рябинами, тоже засмеялось.

— Бойтесь? Не надо бояться. Расскажите, почему Вы написали эту брошюру?

— А как Вы ее находите? — это я говорю.

Он похлопал рукой по моей рукописи, лежавшей у него на столе.

— Правдивая книга, в ней действительно показана жизнь фабрики. А откуда Вы знаете производство? В книге затронуты специальные вопросы, — спрашивает Сталин.

— Я жила в текстильных районах, и потом, я знаю некоторые производства.

— А что Вы думаете делать дальше?

— А я хотела Вас спросить, о чем теперь надо писать.

— А Вы бы что хотели?

— Я бы хотела поехать в Казакстан (так в тексте. — *Сост.*). Там проводится первая железная дорога, которая свяжет Ка-

закстан с Сибирью. Там новая система земледелия. — Я увлеклась и заговорила, размахивая руками, совершенно забыв, что передо мной Сталин, который все это знает, наверное, лучше, чем кто-либо другой. Но он выслушал и сказал по-прежнему, не спуская с лица улыбки:

— Вы немного ошибаетесь, товарищ, с Казакстаном дело обстоит вот как: железная дорога будет проложена не так еще скоро, да и вокруг самой дороги даже среди местных коммунистов есть расхождения, не говоря уже о других.

Одни говорят, что дорога означает завладение страной русскими и что это угонит кочевые народы дальше в глубь страны. Другие говорят, что, наоборот, железная дорога — это благополучие страны, так как она заставит туземцев обосноваться по линии ее, и это будет моментом преобразования страны из кочевой в оседлую. Что касается новой плантационной системы, то это еще долго. Туда надо ехать через год-два, когда уже образуются эти населенные пункты. А сейчас, если Вы поедете туда, я боюсь, что Вы разочаруетесь.

— А куда же ехать? — спросила я.

— Вы в Ленинграде не бывали? Нет? Ну, как же это так? Вот там действительно подъем. Там рабочие еще более сознательные, чем в Москве. Знаете, Ленинград всегда и в старое время показывал себя как революционный город. Или в Донбасс.

— О, — перебила я, — в Донбассе я была, там я знаю все.

— Из Донбасса у меня позавчера были делегаты, — продолжал Сталин, — хорошие старики, рабочие-забойщики. А вот что, Вы лучше всего езжайте на совхозы, там люди захвачены соревнованием так, что буквально ночами не спят.

— А куда в совхозы? — опять влезла я.

— Есть саратовские, есть на Кавказе, есть в Сибири, но лучше всего ехать в саратовский. Вот поезжайте и пишите правдивые вещи. Нет ли у Вас еще таких, как Вы, чтоб поехать сразу в разные места?

— Нет, у меня нет подруг, я одна.

— Ну, как же это Вы одна? Надо собирать вокруг себя людей.

— Вот Вы говорили по телефону насчет очерков в «Правду» из книги, может быть, они уже устарели, — спросила я.

— Нет, ведь только очень немногие знают тонкости о соревновании, а вся масса этого не знает. И потом, в наших газетах о

соревновании пишут очень сухо. Дают вызовы, условия, предпосылки соревнования, а живого слова о том, что делается на фабриках, — нет. По нашим газетам, через десяток лет нельзя будет восстановить лица страны. Наши газеты стали страшно бюрократическими. В них нет живого слова. Нет, мы Ваши очерки дадим, они написаны сочно. А Вы давно пишете?

— Нет, всего четыре месяца. Раньше я работала в яслях.

— А что? — И он ближе наклоняется ко мне, и глаза смеются, смеются без конца. — В партию не берут?

Я заряжаюсь его весельем и отвечаю, улыбаясь: нет, не берут.

— Говорят, небось буржуазный элемент?

Мне хочется его расцеловать, расцеловать каждую рябиночку, и я, улыбаясь во весь рот, повторяю за ним: буржуазный элемент.

— А как с комсомолом?

Я коротенько говорю о мужьях-коммунистах, у которых жены-комсомолки постепенно превращаются в домашних хозяек.

На минуту лицо его сереет и делается строгим.

— Да, в быту коммунисты часто бывают плохими учителями. Ну, ничего, это изживется. — И он снова смеется и, вставая, говорит: — Езжайте в совхоз, пишите правдивую книгу и собирайте людей. Ну, а что Вы теперь, не боитесь меня?

— Нет, — отвечаю я. — Разве можно бояться человека, который 20 минут подряд улыбался. А как же я буду собирать людей, я такая маленькая, — поднимаю я на него глаза.

— Маленькая, — говорит он с укором. — Раньше царей на престол сажали в 16 лет, а Вам уже 24, а Вы все маленькая. 24 года — это достаточный возраст. До свидания, товарищ, я предисловие Вам дам на днях. Пишите, работайте, до свидания.

— А кто меня пошлет в совхоз?

— После этой книжки Вам дорога открыта.

Опять моя рука растворяется в его сильном пожатии, и я выхожу. На пороге оглянулась. Сталин стоял, улыбаясь, поднимая руку к усам. И вот таким улыбающимся, бесконечно добрым и ласковым я унесла его образ с собой.

Как прекрасно то, что в великих людях, до невозможного занятых работой, под кажущейся строгостью и резкостью скрыта такая бесконечная нежность, внимание и чуткость к людям.

Это трогает, это делает вождей, которых мы любим за их дела, делает их страшно близкими, родными, делает их живыми для нас...

А Сталин... Именно он, про грозность которого ходят легенды, — кто знал, что он сможет уделить столько внимания к начинающей писать девчонке, не побоявшейся обратиться к нему? Это лишний раз показывает то величие человека, умеющего находить слова от тех, которые потрясают мир, до тех, которые наполняют счастьем, несказанной радостью сейчас меня.

Телефонный разговор И. В. Сталина с М. А. Булгаковым

18 апреля 1930 года

18 апреля часов в 6–7 вечера он (Булгаков. — *Ред.*) прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба (Л. Е. Белозерская, вторая жена писателя. — *Ред.*) его подозвала, сказав, что это из ЦК спрашивают.

М. А. не поверил, решив, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

— Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом.

— Да, с Вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно).

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — Вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?

(М. А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса — да он и звонка вообще не ожидал, — что растерялся и не сразу ответил):